

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-32-59>
<https://elibrary.ru/ADNBDP>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

От вороньего пера к павлиному: к истории создания монгольского цикла легенд и сказок Алексея Ремизова

© 2024, А.М. Грачева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу документов из сохранившейся в архиве А.М. Ремизова в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля (ГЛИМ) самодельной папки «Воронье перо» (1947). В них зафиксированы вехи начального этапа работы писателя над текстами-источниками из книги путешественника А.П. Беннигсена «Легенды и сказки Центральной Азии» (1912). Материалы показывают движение творческого процесса: от выписок отдельных слов, выражений, терминов — до создания полноценного художественного пересказа. Первоначальные редакции ремизовских легенд и сказок еще тесно связаны со своими источниками. Переработка исходных «матерьялов» состояла в «переводе» текстов со стандартного литературного языка на разговорный и в постепенном превращения фольклорных записей в индивидуально-авторские произведения. Следующим этапом стала публикация части переработок в мини-цикле «Павлиное перо» (1955). Сравнение опубликованных редакций с первоначальными, представленными в комплексе «Воронье перо», свидетельствует о дальнейшей значительной трансформации Ремизовым текстов-источников. В сказках «Чуткур» и «Тигр» писатель разрушил исходную жанровую структуру, отказавшись от «счастливого конца», присущего фольклорной сказке. В сказке «Тигр» писатель воспользовался характерным для позднего периода его творчества литературным приемом трактовки чудесных приключений героя как развернутого сновидения. В дальнейшем мини-цикл «Павлиное перо» был включен Ремизовым в состав так и не изданного при его жизни сборника, составленного из текстов легенд, сказок и притч и получившего название «Павлиным пером». В Приложении к статье публикуются первоначальные тексты легенд и сказок Ремизова и автоиллюстрации к ним.

Ключевые слова: Алексей Ремизов, русский авангард, сказка, «Воронье перо», «Павлиное перо».

Информация об авторе: Алла Михайловна Грачева — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-4708-098X>

E-mail: irliran@mail.ru

Для цитирования: Грачева А.М. От вороньего пера к павлиному: к истории создания монгольского цикла легенд и сказок Алексея Ремизова // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 32–59. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-32-59>

В 1957 г. после смерти Алексея Михайловича Ремизова последняя часть личного архива писателя осталась в Париже, в руках его друга и литературной помощницы — Натальи Викторовны Резниковой. В 2013 г. этот комплекс документов поступил на хранение в Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (ГЛИМ, Москва). В его составе находятся, в частности, и такие материалы, как разрозненные части тетрадей, отдельные листы и листочки с записями.

К числу таких, пользуясь ремизовским выражением, бумажных «обрывышков» относятся листы, вырванные из некогда прошитой нитью «общей» школьной тетради того типа, какой Ремизов неоднократно использовал в своей писательской практике в 1940–1950-е гг. Они находятся в сложенном пополам листе белой бумаги размером А4 с надписью-названием «Воронье перо» и содержат написанные черными чернилами ремизовские автографы пересказов легенд и сказок, а также сделанные писателем рабочие выписки слов и выражений из текста, послужившего источником переработок¹. Часть листов этой подборки имеет авторскую нумерацию карандашом красного и черного цвета (№ 1–8). На одном из них — ремизовская запись чернилами, дополнительно обведенная синим карандашом: «“Легенды и сказки Центральной Азии”. Собр<анные> гр<афом> А.П. Беннигсен. СПб. 1912 г.». Подобные заметки в черновиках писателя обычно являются указанием на источник сюжетов его произведений.

Что же представляет собой эта книга, зафиксированная Ремизовым в качестве основы его творчества «по матерьялам»; кто был ее автором; когда, каким образом редкое издание 1912 г. могло попасть в руки писателя?

Книгу «Легенды и сказки Центральной Азии» написал граф Адам Павлович Беннигсен (1882–1946), который был яркой талантливой личностью. Он родился в Москве. После окончания в 1901 г.

¹ ГЛИМ. Ф. 256. Оп. 6 (в обработке). Далее материалы из этого комплекса документов цитируются в тексте: *Воронье перо* без указания на нумерацию листов.

Пажеского корпуса Беннигсен был выпущен корнетом в Лейб-гвардии Конном полку, затем участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. и за отличия в боях был награжден тремя орденами. Он женился на Феофании Владимировне Хвольсон (1887–1969), дедом которой был известный востоковед, историк, лингвист, член-корреспондент Императорской академии наук по разряду восточных языков Д.А. Хвольсон (1819–1911). В 1908 г. Беннигсен вышел в запас и в 1909–1911 гг. вместе с супругой совершил длительное турне по Монголии, где они находились вплоть до провозглашения ее независимости от Цинской Империи (29 декабря 1911 г.). Много лет спустя его внучка — журналистка Фанни Беннигсен-Брайн свидетельствовала:

Мой дед по отцу, кавалергард Адам Павлович, путешествовал по Монголии. Он был военным картографом, одновременно собирал местный фольклор, выпускал сборники образцов произведений народного творчества. Он путешествовал с нашей бабушкой вместе, и отец чуть не родился в Монголии, на Востоке².

Печатным итогом странствований Беннигсена стало издание в 1912 г. двух книг: «Несколько данных о современной Монголии» [1] и «Легенды и сказки Центральной Азии» [5]. Надо отметить, что и в настоящее время при перечислении трудов, посвященных истории Монголии в период маньчжурского господства, ученые положительно оценивают эти работы Беннигсена. С 1914 г. их автор сражался на фронтах Первой мировой войны. С 1919 г. полковник Беннигсен воевал в армии А.И. Деникина, затем в армии барона П.Н. Врангеля, с войсками которого эвакуировался из Новороссийска в Турцию. С 1924 г. он жил в Париже, работая бухгалтером в компании «Liano-Film». В том же году Беннигсен был избран в Русский объединенный эмигрантский комитет во Франции и посвящен в масоны. Он также был вице-президентом Общества русской православной культуры в Париже, писал иконы, расписал иконостас православного храма Христа Спасителя в Аньере. 11 ноября 1946 г. после продолжительной болезни Беннигсен скончался и был похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа [13, с. 145; 14, с. 103].

Как известно, с 1923 г. А.М. Ремизов также жил в Париже. Но круги русской эмиграции, в которые входили представитель воен-

² Беннигсен-Брайн Ф. «Интерес к Востоку у нас в крови». Рассказывает американская журналистка // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1996. № 3–4. С. 189.

ной аристократической элиты и писатель-модернист, были слишком далеки друг от друга, так что у обоих изгнанников вряд ли были поводы для личного контакта и дальнейших встреч.

Знакомство Ремизова с книгой Беннигсена «Легенды и сказки Центральной Азии» состоялось в июле 1947 г. Самое раннее датированное свидетельство этому можно найти в его письме к литературной ученице Н.В. Кодрянской от 4 июля: «Недавно прочитал: наша земля стоит на двух китах и с ними лягушка»³. Упомянутый писателем мотив космогонического сюжета можно найти в начале книги Беннигсена, в легенде «Как была сотворена земля»: «После огня пойдет свинцовый дождь, который сравнивает эти горы, и останется один песок. Его сметет ветер, и тогда освободятся два кита и лягушка, на которых стоит земля» [5, с. 13–14]. Это письмо Ремизов сопроводил двумя рисунками — иллюстрациями к сказаниям книги: на Л. 1 — рисунок коровы с неубывающим молоком; на Л. 2 об. — рисунок с подписью «Водяной дух». Таким образом, Ремизов начал освоение «чужого текста» в характерном для его творческой манеры двойном отражении воспринимаемого источника: словесно (в форме пересказа) и визуально (в пластических образах своих рисунков).

Но каким же образом полуслепой писатель, почти не выходящий за пределы квартиры в доме 7 по улице Буало смог узнать о книге Беннигсена и получить ее для прочтения?

Здесь надо вспомнить о том, что в 1940–1950-х гг. произошло дружеское сближение Ремизова с Василием Петровичем Никитиным (1885–1960) — известным востоковедом, который в 1911–1918 гг. был на дипломатической службе в Персии, а в 1918–1919 гг. исполнял обязанности драгомана российской миссии в Тегеране [12, т. 2, с. 282]. Его квартира находилась в той же парадной дома 7, что и апартаменты писателя, только этажом выше [3; 6]. По сложившейся традиции, Никитин еженедельно навещал своего друга. В 1940-е гг. именно он познакомил Ремизова с памятником санскритской повествовательной прозы «Панчатантрой» (III–IV вв.), в X в. переведенной на персидский язык под названием «Калила и Димна». Одна из историй этого сборника продолжила свое существование в виде отдельного произведения, и в XIII–XIV вв. его перевод под названием «Стефанит и Ихнилат» вошел в состав памятников древнерусской литературы. Вдохновившись сюжетом притчи и самим фактом ее бытования в Древней Руси, Ремизов создал еще один вариант легендарной истории о дружбе и предательстве [9]. Написание «Повести

³ Ремизов А.М. Письмо Н.В. Кодрянской от 4 июля 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 168. Л. 1.

о двух зверях» побудило писателя и дальше продолжить работу над своими версиями сюжетов знаменитых средневековых памятников мировой литературы, известных и древнерусскому читателю. В итоге появился цикл «Легенды в веках» (1947–1957). Дружеские беседы двух приятелей и предоставленные востоковедом переводы привели к появлению в творчестве Ремизова цикла миниатюр «Суфийская мудрость» и серии пересказов тибетских сказок. В.П. Никитин стал своеобразным «связующим звеном» между Ремизовым и бесконечно богатым миром литературы и фольклора Востока, ранее во многом остававшимся неведомым писателю из-за нахождения переводов текстов в редких изданиях или из-за отсутствия таковых. В одной из их регулярных бесед могла зайти речь об интересной, но малодоступной в условиях Парижа книге А.П. Беннигсена, и сосед Ремизова помог другу найти и взять для прочтения это редкое издание.

«Легенды и сказки Центральной Азии» произвели на Ремизова сильнейшее впечатление. Это было связано не только с великолепным фольклорным материалом, но и с научной концепцией книги, типологически отчасти следовавшей традициям сравнительно-исторической школы академического литературоведения, книги, в каких-то чертах чуть-чуть похожей на любимые Ремизовым труды А.Н. Веселовского, такие как «Разыскания в области русского духовного стиха» (1879–1891) и «Из истории романа и повести» (1886–1888). Как известно, в течение многих лет писатель обращался к этим академическим сочинениям как к источникам изложенных в них сюжетов фольклорных и литературных произведений. В книге Беннигсена тексты записанных легенд и сказок сочетались с авторскими аналитическими заметками, в которых были систематизированы и научно осмыслены разноплановые материалы, полученные от информантов. В итоге читатель имел представление о различных областях мифологии народов Центральной Азии. Сами названия небольших подразделов книги Беннигсена («О происхождении народов», «О происхождении людей», «О сотворении мира», «Строение вселенной по монгольской науке» и др.) напоминали названия отдельных глав в трудах А.Н. Веселовского, который даже при исследовании какого-либо конкретного произведения стремился к научному обобщению, к выявлению мифологической основы его сюжета.

Ремизов уже вовсе был погружен в пространство книги Беннигсена, когда получил еще один, добавочный импульс к художественному постижению мира легенд Центральной Азии. 22 июля 1947 г. в его «Дневнике мыслей» появилась запись о следующих визитерах:

«Гр<афиня> Беннигсен / ее сестра» [8, с. 111]. В указанный день Ремизова посетили вдова А.П. Беннигсена — Феофания Владимировна — и ее сестра — княгиня Любовь Владимировна Чавчавадзе (1893–1984). Тогда же писатель зафиксировал сведения о них в записной книжке: «Contesse Benigsen 1 Rue Madelan VIII Paris / Феофания Владимировна / Любовь Вл<адимировна> Чавчавадзе»⁴. С определенной долей вероятности можно утверждать, что встреча Ремизова с вдовой путешественника также состоялась не без посредничества Никитина, который по статусу и профилю своих научных интересов скорее всего знаком с Беннигсеном, знал его труды, и смог на время взять для Ремизова семейную реликвию, хранившуюся у Феофании Владимировны. Вспомним также, что она сопровождала мужа в его длительном восточном путешествии и при личной встрече с писателем могла поделиться с ним воспоминаниями о том давнем вояже.

Ремизовские впечатления от книги «Легенды и сказки Центральной Азии» и начальные этапы ее творческого «освоения» можно проследить по письмам литератора к Н.В. Кодрянской. Отметим, что в 1947 г. Ремизов не только занимался редактированием сказок своей литературной ученицы, но и учил ее как их *надо* писать. Впечатления от чтения книги Беннигсена зафиксированы во многих ремизовских посланиях периода июля–августа 1947 г. Так, 26 июля писатель отправил Кодрянской текст своей созданной «на едином дыхании» сказки «Под быком»⁵, в основе которой лежала притча «Определение характера человека» [5, с. 18]. Посланный белой автограф с правкой был сопровожден пометой «Без черновика / А. Ремизов / В письме Н.В. Кодрянской / (чуткур — темный дух)»⁶. Отметим, что в дальнейшем этот текст без исправлений был включен в состав опубликованного цикла «Павлиное перо»⁷. Сказку иллюстрировал рисунок — изображение человека на быке — с подписью: «Акку = белый колодец».

Книгу «Легенды и сказки Центральной Азии» дополняло приложение – текст подлинного монгольского гадания, с разъяснением как именно им надо пользоваться [5, с. 155–166]. Подобные тексты всегда привлекали к себе внимание Ремизова, видевшего в них еще один способ преодолеть трехмерность мира, приоткрыть «покрыва-

⁴ Ремизов А.М. Записная книжка с адресами // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 943. Л. 6.

⁵ Ремизов А.М. Письмо Н.В. Кодрянской от 26 июля 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 168. Л. 15–15 об.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Ремизов А. Под быком // Возрождение (Париж). 1955. № 37. С. 42–43.

*Ремизов А.М. Автоиллюстрация к сказке
«Под быком». Бум., тушь. (РГАЛИ)
(публикуется впервые)*

*Remizov A.M. Auto-illustration for the fairy tale
“Under the Bull.” Paper, mascara. (RGALI)
(published for the first time)*

ло Майи». В этом плане показателен его интерес к гадательной книге апокрифического характера «Рафли», изданной в «Памятниках старинной русской литературы» [7, с. 161–166]. Ее копия, сделанная Ремизовым, сохранилась в архиве писателя в ГЛМ⁸. Увидев текст такого рода в труде Беннигсена, литератор также переписал его в имевшийся у него специальный золотообрезный альбом начала XIX в., поместив параллельно друг другу описания «картин» гадания (образов коровы, змеи, ворона и т. д.) и соответствующие им ответы — толкования каждого образа⁹. См. также фототипическое воспроизведения рукописи:

[11, с. 145–175, 309–312]. Окончание датирующей авторской пометы над текстом зафиксировало время создания копии: «14 VII 1947»¹⁰. В посланиях своей ученице писатель отобразил некоторых упоминаемых в гадании животных в виде отдельных рисунков («шляющийся волк», «корова с неубывающим молоком»).

Надо отметить, что письма Ремизова Кодрянской, рассматриваемые как единый документальный источник, позволяют четко выявить последовательность работы Ремизова над текстами книги

⁸ См. составленную Н.В. Резниковой предварительную опись этой части архива: ««Рафли». Гадание царя Давида. Рук<опись> 1742. Переписано в 1942 г.» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1030. Л. 3).

⁹ Ремизов А.М. Гаданье данное людям от Бурхана-Мандзышира. Автограф. 1947, 1950 // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 92. 14 л.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 92. Л. 1.

Беннигсена. Так, 28 июля он писал: «Вот Вам для примера: рисую, глядя на тибетское гаданье: ворона — на ворону мало похоже, но это духовно правдивее всяких ворон анималистов. Я думаю, что все “натуральное” искусство это декаданс (вырождение) человеческого зрения. Конечно, надо мастерство натуры, ч<то>б<ы> разглядеть не это — оболочку, а то глубокое, что единственно, что живет»¹¹. 10 августа Ремизов уведомлял Кодрянскую о своем плане: «Затеял написать начерно 3 сказки в тетрадку, которая называется “Как научиться писать”, написал о святом ламе, превратившимся в рогатого и клыкатого. Все это я Вам покажу. <...> А во

сне мне снились звери — лань, тигр и еще какие-то пушистые, стоят в ряд, как нарисованные, тихие»¹². Текст этого письма сопровождала автоиллюстрация к легенде «Гнев». 12 августа он сообщал: «Шутливую сказку я все-таки сегодня кончу»¹³. Скорее всего речь шла о переработке ироничной «Сказки о человеке, не хотевшем быть ханом» [5, с. 76–77]. 13 августа писатель информировал свою конфидентку: «Попробую сегодня еще одну сказку вчерне»¹⁴. К письму от 15 августа

Ремизов А.М. «Корова с неубывающим молоком». Иллюстрация к тибетскому гаданию. Бум., тушь (РГАЛИ (публикуется впервые))

Remizov A.M. “A Cow with Never-Decreasing Milk.” Illustration for Tibetan fortune telling. Paper, ink (RGALI) (published for the first time)

¹¹ Ремизов А.М. Письмо Н.В. Кодрянской от 28 июля 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 168. Л. 16 об.

¹² Ремизов А.М. Письмо Н.В. Кодрянской от 10 августа 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 170. Л. 4–4 об.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Ремизов А.М. Письмо Н.В. Кодрянской от 13 августа 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 170. Л. 10.

он добавил рисунок с подписью «“БЕРИТЫ — у них глотка так мала, едва проходит волос, вечно голодные” (это обжоры)»¹⁵. Приведенная цитата была взята Ремизовым из статьи Беннигсена «Строение вселенной по монгольской науке» [5, с. 144]. Письмо от 16 августа сопровождал рисунок с подписью «Танец лам»¹⁶. В послании от 23 августа Ремизов дал Кодрянской своеобразную педагогическую «установку» на успешность ее усилий по овладению мастерством сказочницы, а также подчеркнул, что ее учитель — это старый полуслепой писатель, мужественно преодолевающий недуги. Основные постулаты этого оригинального «внушения» были изложены посредством иносказаний, восходящих к фольклорной образности текстов Беннигсена. Ремизов символически изобразил свою ученицу в виде ворона, подписав свой рисунок так: «Н. Кодрянская. Белый ворон». Этим он сразу же подчеркнул, что его подопечная наделена уникальным даром, присущим лишь избранным — «белым воронам». Далее писатель привел толкование этого образа из текста, приведенного в книге-источнике: «Тибетское гадание / “Ворон — птица сильная, правдивая. / Все решится хорошо, определено, но нужна деятельность”»¹⁷. К этому же посланию писатель присовокупил автоиллюстрацию к своему переложению легенды «Откуда пошли сказки у монголов». Он изобразил ослепшего человека, сопроводив рисунок, явно имевший автобиографический подтекст, своей анаграммой и подписью: «Моя душа выбирает среди подземных богатств самое драгоценное: с к а з к у / моя монгольская память»¹⁸.

О подведении промежуточного итога в процессе работы с материалами книги Беннигсена свидетельствует ремизовское послание Кодрянской от 9 сентября:

«И для Вашего альбома
МОНГОЛЬСКОЕ

Я подумал: Вы сами видите, как я далеко ушел от простой сказочности и не осталось никакой выдумки. <...>

Надо брать как можно больше “сказочных элементов”
сказочных превращений

— “ — имен
— “ — оборотов,

¹⁵ Там же. Л. 16 об.

¹⁶ Ремизов А.М. Письмо Н.В. Кодрянской от 13 августа 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 170. Л. 19 об.

¹⁷ Ремизов А.М. Письмо Н.В. Кодрянской от 23 августа 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 171. Л. 20 об.

¹⁸ Там же. Л. 21 об.

Ремизов А.М. «Ворон». Иллюстрация
к тибетскому гаданию. Бум., тушь, кр. кар.
(РГАЛИ)

(публикуется впервые)

Remizov A.M. "A Crow." Illustration for Tibetan
fortune telling. Paper, ink, red crayon (RGALI)
(published for the first time)

А для этого надо
читать Матерьялы и вы-
писывать себе»¹⁹.

Подробная фиксация
процесса художествен-
ного «освоения» тек-
стов «Легенд и сказок
Центральной Азии»,
представленная в почти
ежедневных письмах
Ремизова Кодрянской,
позволила сделать следу-
ющие выводы.

Находящиеся ныне
в архиве Ремизова в ГЛИМ
разрозненные вырван-
ные из тетради листы
(*Воронье перо*) содержат
результаты начального
этапа работы писателя
с «матерьялами» книги
Беннигсена, когда он ак-
кумулировал лексику, об-
разы и сюжеты источника
и на этой базе создавал
свои первоначальные
редакции заинтересовав-

ших его легенд и сказок. Можно выделить несколько последователь-
ных ступеней этого этапа. Далее проиллюстрируем их на отдельных
примерах из комплекса *Воронье перо*.

Записи отдельных слов, выражений и толкований их значений

Птица Хан-Гарди — от взмаха
Крыльев подымается ветер
И все сметает на земле
Живут на горе Сумбур Ула
На землю не показываются.
Царь зверей Арслан (лев).

Ч<елове>к обращается
в чукура <1нрзб.>
Ч<елове>к обращается
в шулму <1нрзб.>
10 черных урехов<?>:
Чукуры: тэрэны видимые

¹⁹ Ремизов А.М. Письмо Н.В. Кодрянской от 23 августа 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420.
Оп. 6. Ед. хр. 171. Л. 10.

Голова и нога — золотые
 Сердце — снаружи тела
 В лапе — шар из драгоценного камня
 Царь рыб — Чусрым — глотает
 корабли, а высунет морду
 из воды, как гора
 Царь змей Абургу-Могой может
 глотать десять слонов
 «Хара-Хитат — черные китайцы
 Го-Зуй — начальник
 Местность, где не было ни воды, ни
 травы, а только камень и песок
 Кэрэк-Кыз-Каз-Ак: кыргыз-Казан
 (40 девиц гусей белых)
 Зверь Аслан, как гора, ступит,
 Земля проваливается

одна рука и одна нога
 сила шумлы заключается в
 одном золотом волосе
 не старится и не умирает
 Лу — гром { один
 Бурханы-боги родился без цветка
 Лгуны, воры и мошенники
 (6 <1 нрзб.>)
 Небо медленно сползало
 с двух сторон, закрывая собой все,
 что было над землей

Схематичные записи сюжетов

Пересказ текста, соединенный с кратким конспектом содержания:

<«Сказание о Ладарма-хане»>

(Текст-источник: [5, с. 133–135])

«При постройке для возки матерьялов был один белобокий бык и работал больше всех, выбиваясь из сил.

Окончив монастырь, ламы устроили праздник, наградив всех. Не забыты были и вещи — лопаты, топоры, молоточки, веревки — одних перевязали ленточками, другим дали почетные названия. Забыли только быка, он не получил даже хорошего пастбища.

Бык, имев право на награду, рассердился:

Три раза заревел он, три раза взрыл землю копытом и ушел неизвестно куда. В разных концах Тибета родились 2 мальчика: ханский — Ландарма, другой — Гегэн. Когда родились, пошел над ними дождь: над Ландармой — кровавый, а над Гегэном — молочный.

Гегэн, удалился в горы, изучал священные книги.

Ландарма приказал построить много новых монастырей, собрать всех лам. И стал совращать с истинной веры, всех женил, заставил охотиться и даже воевать, а к<отор>ые помнили священные законы и не хотели²⁰ проливать кровь и осквернять себя, имея дело с женщинами, предавал пыткам и казнил.

Во время праздника Цам, ламы надевают маски, пляшут и показывают фокусы.

Белый конь, выкрашенный в черное.

²⁰ Было: не хотел воевать.

Зрелище было однообразное и Ландарма задремал.

Сердце у хана было железное и только во время сна делался уязвимым.

Гегэн лег на землю. Паук соткал над ним паутину, а птичка набросала веток и земли.

Он ушел и обратился в камень.

Подвел подкоп под Пекин взорвать.

Бангэн-Богдо (2-е лицо духов<ное> в Тибете)

4<-х> привязали к столбу { 4 внизу

А хана наверху»

Краткий конспект сюжета.

Применительно к приводимому конкретному примеру можно отметить, что в дальнейшем на его основе Ремизов создал сказку «Гнев»:

<«Случай с Соном-Лхарамбо»>

(Текст-источник: [5, с. 97–98])

«В одном монастыре был один бык, ламы пользовались для работы, и одна коза, — молоком ламы белили свой чай.

Когда померла коза, ламы помолились за козу. — Б<ог> дал козе хорошее перерождение.

Умер бык, но о нем никто не молился. Это рассердило душу быка, и она упростила Бога наслать падёж на земной скот. Но душе быка этого было мало. 1) возродился в монаха, поселился в том же монастыре

и мстил { 3 задушены
3 зарезаны

большой военный начальник преследовал и уничтожал лам».

Схематичное изложение только основных деталей сказочного сюжета:

<«Сказка о человеке, не хотевшем быть ханом»>

(Текст-источник: [5, с. 76–78])

«Каков был ужас, когда он увидел, что под ним был не бык, а тигр

Что делать с быком и змеей

Тигру отрубить хвост

в пещере живет трехсаженная лисица

палка

стрелы

лук — со всей силы ударил ее в грудь

лисица упала мертвой».

Создание первоначальной редакции пересказа сказки или легенды

В итоге ряд текстов из книги Беннигсена лег в основу целостных ремизовских произведений малой формы, которые писатель называл «художественными пересказами». Еще в манифестном «Письме в редакцию» 1909 г. он утверждал, что «когда при сличении всех имеющихся налицо вариантов какой-нибудь народной сказки материалом является облюбованный, строго ограниченный текст, все сводится к самой широкой амплификации, т. е. к развитию в избранном тексте подробностей или к дополнению к этому тексту <...>. Что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, в этом вся хитрость и мастерство художника» [12, с. 608].

В комплексе *Воронье перо* сохранился ряд целостных по структуре ремизовских пересказов сказок и легенд, некоторые из них имеют авторские названия, а другие его еще не получили. Последние будем именовать в соответствии с названиями текстов-источников. Общий перечень ремизовских пересказов таков: «<Откуда пошли сказки у монголов>», «<Сказка о человеке, не хотевшем быть ханом>», «Гнев», «Табак», «О саксауле». Их анализ показал, что в сравнении с текстами в книге Беннигсена первоначальные редакции ремизовских пересказов выполнены «близко к тексту». В процессе переработки писатель ставил своей целью приблизить язык своих переработок к разговорному стилю, убрать клише, присущие усредненному литературному языку. Наибольшей ремизовской переработке подверглась легенда «<Откуда пошли сказки у монголов>». Образ главного действующего лица легенды — 15-летнего ламы Сохор-Тарбы — писатель радикально переосмыслил в автобиографическом ключе, придав герою черты старого ослепшего сказочника. При пересказе ироничной «<Сказки о человеке, не хотевшем быть ханом>» Ремизов активно использовал сказовые формы повествования, разговорную лексику, но при этом сохранил жанровую структуру сказки со свойственным этому фольклорному жанру «счастливым концом». Однако он откорректировал семантическую наполненность финальной фразы источника: «После этого Бальджуши бросил всякую мысль о самоубийстве и вполне примирился со своим положением, чему не мало способствовала его хорошенькая жена» [5, с. 77]. В пересказе Ремизова появилась не свойственная веселой сказке нота печали: «И после этого приключения бросил всякую мысль искать себе смерти. А зажил с хатун и правил стра-

ной. Впрочем, правил-то не он, а лисица — хатун, все это хорошо понимали, только виду не показывали, да и незачем было: не все ли равно дурак ли хан или лисица-хатун. Лишь были бы власть, суд и расправа». Создавая сказку «Гнев» (ее источник — «Случай с Соном-Лхарамбо» [5, с. 97–98]), Ремизов пересказал текст источника, сохранив идейную основу, определяющую сюжетное развитие сказки: месть и идущее вслед за нею прощение. В своей версии он также оставил финальную фразу источника, однако лексически откорректировал и переосмыслил ее. Текст-источник: «Бу-Ван <...> теперь неизвестно, где он находится. Предполагают только, что он живет где-то в России» [5, с. 97]. Вариант Ремизова: «А Бу-Ван уехал в Россию». В условиях переработки фольклорного текста писателем, ориентировавшимся на родственную ему по статусу эмигрантскую читательскую аудиторию, эта финальная фраза актуализировала сказку, привнося в нее ностальгический мотив тоски о невозможном — возвращении на Родину.

Можно сделать вывод о том, что представленные в комплексе *Воронье перо* первоначальные редакции пересказов легенд и сказок в целом были еще тесно связаны со своими источниками. Переработка «матерьялов» состояла в «переводе» текстов со стандартного литературного языка на разговорный, утверждение приоритета которого было одной из основ ремизовской «теории русского лада», с новой силой пропагандируемой писателем в 1940-е гг. [2]. Однако Ремизов, привнося новые смысловые акценты и изменяя язык повествования, все же сохранял неизменной жанровую структуру текста-источника.

Как уже упоминалось, вырванные из тетради листы находятся внутри самодельной «папки» с надписью «Воронье перо». Так Ремизов первоначально нарек задуманный сказочный цикл. По своей семантике заглавие восходило к толкованию образа ворона в монгольском гадании²¹. В то же время это было название необычного пера — старинного инструмента для письма. Тема мудрого ворона, соединенная с автобиографической темой автора, присутствовала в создававшейся в том же 1947 г. книге «Пляшущий демон». В разделе «Писец — воронье перо» экзотический атрибут становился символом-знаком писателя Ремизова: «Я, московский рядовой кни-

²¹ См. описание картины «Сильный ворон»: «Птица все знающая и говорящая правду — таков и гадающий. Эгоист. Нечистая сила не страшна. Помощь от хороших людей. Помогает небесный хранитель. За кем гонится — догонит, от кого убегает — убежит, что ищет — найдет. Будет выше своих друзей. Собирающемуся в путь — очень хорошо» [5, с. 157].

гописец, имя мое в писцах не громко, я простой человек <...> Пишу я вороньим пером, павье не по карману <...> мою русскую душу всегда влекло и было мне ближе церковнославянского изощрения наш природный русский язык» [12, т. 13, с. 398–399].

Окончание непосредственной работы Ремизова над трудом «Легенды и сказки Центральной Азии» четко обозначено в «Дневнике мыслей». 23 декабря 1947 г. писателя во второй и последний раз посетила Ф.В. Беннигсен [8, с. 176]. Причина ее визита очевидна: она забрала книгу, которой временно пользовался Ремизов. В дальнейшем он мог только совершенствовать пересказы, в разной степени готовности созданные ранее по «матерьялам» Беннигсена.

На следующем этапе своего существования цикл получил иное название — «Павлиное перо». В настоящее время трудно определить, чем был обусловлен отказ писателя от первоначального эпатажного заглавия. Отметим только тот факт, что тема образной характеристики восточных сказок обсуждалась Ремизовым в разговоре с другом-востоковедом, что нашло отражение в письме Кодрянской от 9 августа 1947 г.: «Никитин рассказывал <...>. Оказывается, есть персидские *павлиньи* сказки и есть *попугайные* монгольские»²².

Опубликовать этот небольшой цикл Ремизову удалось только в 1955 г.²³ Тексты предваряло авторское вступление: «Предлагаемые сказки пишу по матерьялам: книги — монгольские, санскритские, арабские. Из затаенных веков доносит мне голос, и переговариваю по-русски, русскими ладами»²⁴. Отметим, что хотя источником всех пересказов, представленных в публикации, была книга Беннигсена, но по неизвестным причинам ни она, ни ее автор не были упомянуты Ремизовым.

Цикл «Павлиное перо» состоит из «Присказки» (переработка легенды «Откуда пошли сказки у монголов») и трех сказок: I. «Под быком» (переработка сюжета сказания «Определение характера человека»); текст в журнале «Возрождение» полностью соответствует автографу Ремизова в письме Кодрянской от 26 июля 1947 г.²⁵); II. «Чуткур» (переработка сказки «Случай с Соном-Лхарамбо»; первоначальная редакция ремизовского пересказа этого текста-источника имеет название «Гнев»); III. «Тигр» (переработка «Сказки о человеке, не хотевшем быть ханом»). Сравнение опубликованных

²² Ремизов А.М. Письмо Н.В. Кодрянской от 9 августа 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 170. Л. 3.

²³ Ремизов А.М. Павлиное перо // Возрождение (Париж). 1955. № 37. С. 41–51.

²⁴ Там же. С. 41.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 168. Л. 15–15 об.

редакций с первоначальными, представленными в комплексе *Воронье перо*, свидетельствует о дальнейшей значительной трансформации Ремизовым текстов-источников. В сказках «Чуткур» и «Тигр» писатель разрушил исходную жанровую структуру, отказавшись от «счастливого конца», присущего фольклорной сказке. Он также придал взаимоотношениям персонажей трагическую окраску. В сказке «Тигр» писатель воспользовался литературным приемом трактовки чудесных приключений героя как развернутого сновидения. В эти годы он применял то же средство художественной выразительности в произведениях из цикла «Легенды в веках» («Брунцвиг», «Мелюзина», «Тристан и Иольда»). Кроме названных четырех текстов, Ремизову не удалось опубликовать другие произведения, возникшие на основе книги Беннигсена, хотя благодаря Никитину его интерес к восточным источникам не иссякал. В дальнейшем мини-цикл «Павлиное перо» был включен Ремизовым в состав так и не изданного при его жизни сборника, составленного из текстов легенд, сказок и притч и получившего название «Павлиньим пером»²⁶. Впервые он был опубликован в 1994 г. [9; 12, т. 14, с. 295–482, 650–682]. В архиве писателя в РГАЛИ также имеется датированный 1948–1956 гг. и дополненный авторскими иллюстрациями сборник сказок под заглавием «Павлиное перо»²⁷.

В 1950-е гг. Ремизов вспоминал об одном из посещений его квартиры И.А. Буниным:

Он обратил внимание на большие свертки. Они занимали всю книжную полку.

— А это что? — спросил он.

— Это мой архив.

— И вы бережете свои рукописи? <...> Зачем вы храните свои рукописи? — последнюю фразу он не сказал, но мне прозвучало отчетливо.

А я вместо того, чтобы сказать: «По моей археологической страсти я не выбрасываю рукописи», — я виновато, как уличенный, промямлил: «Для справок» [4, с. 118].

²⁶ См.: Ремизов А.М. Павлиньим пером. Авторизованный макет книги. Авториз. машинопись, вырезки. 1950-е гг.: 1) Части I–II — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 20. 121 л.; 2) Части III–IV — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 21. 178 л.

²⁷ Ремизов А.М. Павлиное перо. Сказки с рисунками. Автограф в тетради. Бум., тушь, перо, размывка. 1948–1956 (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 17. 79 л.).

Проанализированные в настоящей статье листы, вырванные из тетради и содержащие комплекс отдельных записей и текстов *Воронье перо*, относятся к разряду именно тех черновых рабочих материалов, которые были сохранены Ремизовым из-за его «археологической страсти» — т. е. его высокопрофессионального отношения к литературной работе. И ныне благодаря им можно восстановить в деталях начальные этапы творческого процесса. В итоге «полевые записи» военного картографа и ориенталиста Беннигсена превратились в оригинальные произведения сказочника XX в. Алексея Ремизова.

В Приложении по автографам печатаются первоначальные редакции легенд и сказок А.М. Ремизова. Тексты публикуются с сохранением авторских особенностей орфографии и пунктуации. Авторская правка отражена в постраничных сносках. Произведения, не имеющие авторского заглавия, публикуются под заключенным в ломаные скобки названием текста-источника: «<Откуда пошли сказки у монголов>», «<Сказка о человеке, не хотевшем быть ханом>», «Гнев», «Табак», «О саксауле» — ГЛМ. Ф. 256. Оп. 6 (в обработке).

В тексте статьи впервые публикуются рисунки А.М. Ремизова (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 186, 170, 171): 1) *Ремизов А.М.* Автоиллюстрация к легенде «Откуда пошли сказки у монголов». Бум., тушь; 2) *Ремизов А.М.* Автоиллюстрация к сказке «Под быком». Бум., тушь; 3) *Ремизов А.М.* «Корова с неубывающим молоком». Иллюстрация к тибетскому гаданию. Бум., тушь; 4) *Ремизов А.М.* «Ворон». Иллюстрация к тибетскому гаданию. Бум., тушь, кр. кар.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.М. Ремизов

<I>

<Откуда пошли сказки у монголов>

(Я — лама Сахар-Тарби)

Эрлик сказал моей душе:

«Вернись к своему хозяину и возьми у меня что хочешь!»

И он повел ее по преисподней.

Тут было все: богатство, счастье, наслаждения, удовольствия,
 радости, страдания, слёзы, веселье, смех,
 музыка, пение, пляска и сказки, —

вся человеческая жизнь.

Моя душа все видела и выбрала сказки.

Эрлик со сказкой вернул ее на землю. А я лежал на земле,
 покинутый, в глухом забытии, и вороны выклевали у меня глаза.

И теперь, слепой, я знаю много сказок и гадания.

Слепой, я вижу будущее.

(Монгольская легенда)

Ремизов А.М. Автоиллюстрация к легенде «Откуда пошли сказки у монголов».

Бум., тушь (РГАЛИ) (публикуется впервые)

Remizov A.M. Auto-Illustration for the Legend "Where Did the Fairy Tales of the Mongols Come from?" Paper, ink (RGALI) (published for the first time)

<II>

<Сказка о человеке, не хотевшем быть ханом>

Жил-был простецкий человек, и имя у него было чудное Бальджуши. Попадают такие простаки — стесняются почерка своего пера, а Бальджуши в слове был конфузлив. Бывало, спросишь его: Ну как Жуши? — мы его кто Жуши, кто Суши, — он на всё откликался. Сушилой звали²⁸. Так делает, так носом надсадку — слова готовы — а сказать не решится. И от того, что было никуда, и жизнь у него была незавидная: как это он по земле тыкался, представить себе трудно: ни кола, ни двора. Над ним все потешались, но незлобивая душа, только так носом, как подсадку, а один этот нос, со смеху помрешь! А между тем Бальджуши не так был глуп, а главное, не падаль.

«Вот, если бы мне куда проехать, да на новом месте²⁹ я начал бы жизнь по-людски».

А жил Бальджуши плохо: никакого хозяйства, а только так, где подработает, накормят, все его хозяйство³⁰ что в руках перед носом.

Хорошо сказать: перемену место, на своих на двоих далеко не уйдешь³¹, а у него ни коня, ни осла, ни верблюда. А у соседей, где его сторожка, — и то спасибо соседу, что в три шеи не погнал, — бык в хозяйстве, знатный белобокий бык, и все быка уважали: степенный и работающий.

Сушиле и приди в голову мысль: «Залезу ночью на быка, только меня и видели!» И ночью³², полной, когда все дрыхли, вышел он из своей сторожки, и прямо к юрте соседа, где бычок свое местожительство имел, ощупал бычка хорошенько, чтобы попасть на белобок и вскочил ему на спину, бык рванул — прощайте!

Каков же был ужас Сушилы, когда на развороте он увидел, что под ним никакой бык, а сидит он на тигре. Первое, что ему пришло в голову: спрыгнуть. Но оказалось, об этом и думать нечего было, — тигр бежал с такой быстротой как сто быков. А не спрыгнуть — пропасть. Что делать? Сушила схватился за дерево, думает: «Повисну, и тигр ускачет». Да не тут: ухватя за ветку, он вырвал с корнем дерево. И с таким оружием несет его тигр, да это, что ж, хуже было то, что в ветвях сидела змея и тянулась мордой к Сушилу — змея не целовать лезет, это и дурак сообразит, а ужалить. Со страха он

²⁸ Предложение записано на полях.

²⁹ Над строчкой не зачёркнутый вариант: ... месте я очутись, так.

³⁰ Было: хозяйство в руке да перед носом.

³¹ Было: не зайдешь.

³² Было: И ночью о<н>.

закрыв глаза, а тигр, ничего не понимая, сам обезумев от страха, и оглянувшись боится, и стать не смеет.

И только ворота — естественная преграда — остановили тигра. А на нем ни жив, ни мертв — Сушила с елкой — корневище — оземлилось, а из ветвей — высунула морду змея.

Ворота, у которых замер тигр, — столица государства, где старый хан помер, а нового не было. А по гаданьям выходило, что ханом должен быть человек: придет на тигре, в руке его будет дерево, а из дерева будет торчать змея.

И как только увидели Сушилу на тигре с деревом и змеей, скликали всех лам и всех <1 нрзб.>. И целая толпа охотников и лам без всякого труда поймали ошалелого тигра, а Сушилу стащили с тигра, и на руках отнесли в город и всенародно объявили, что отныне он их хан!

Сушила был так напуган всем происходящим, что не посмел отказать, он что-то лепетал о «невменяемости» и «не способен». Но слов его, да и сам он едва ли мог разобрать.

Величая ханом, первое, о³³ чем просили его — отдать приказание, как поступить с тигром и змеей, про дерево — самая обыкновенная елка — не было речи.

«Отрубите тигру хвост и отпусти<те> подобру-поздорову, — только и нашел что сказать новый хан, — а змею убить».

И немедля на глазах хана его первый приказ был исполнен³⁴: убив, змею стащили на помойку, а бесхвостый тигр — хорошо, что все так кончилось, — убежал без оглядки, перепрыгнул через ограду и — в лес.

Сушила думал, тем и окончится. А оказывается, не чуть-то. И то, и другое, и третье — изволь приказывать. И не стало свободной минуты, тормозят с утра до вечера, пристают: как лучше, изволь рассуждать и наводить порядок. А у Сушиллы никакой ни склонности, ни охоты.

А ему говорят, раз ты хан, ты должен.

И так ему опостылело ханство, он решил — единственный выход: покончу жизнь и дело с концом. Пускай себе становятся ханом, кого вздумают, а издеваться над собой он не позволит. В самом деле!

А ему подкладывают все новое и новое: разреши и рассуди, и как ты думаешь.

А как тут думать, когда в голове ни мысли, а на устах — ни слова.

³³ Было: первое, что.

³⁴ Было: исполнен: змею стащили.

И говорят, что в лесу завелись тигры — штук шесть и всякую ночь им подавай кушать: когда по пять, а когда десятка два сожрут.

А Сушила себе думает, вот благовидный предлог и нашелся выход.

И объявил, что сегодняшнюю ночь пойдет один в лес и освободит страну от тигров.

Тушмыл, по-вашему, великий визирь, пробовал его отговорить или взять с собой провожатым, Сушила свидетеля никак не хотел.

Ночью без свиты он отправился в лес, шел раскорякой — думал, сейчас тигру в пасть зайдет и конец проклятой жизни. А как вступил он в лес, и стало страшно. И не в пасть, а залез на дерево и оттуда ветки обрывает и к<a>к жалко: — ч<то>б<ы> хоть как-нибудь жить, очень был страшный дремучий лес. А тигры и идут, и прямо к дереву. Окружили дерево, рычат³⁵. И уж рассветать стало, он заглянул и видит, и не шесть их, а семь. И тигры его увидели. Языки себе облизывают, а до Сушилы не доскочить. И пришлось им из себя лестницу строить. Самый грузный стал к корням, а другие полезли один на другого, верхнему оставалось только протянуть лапу, ч<то>б<ы> схватить Сушилу. Сушила посмотрел вниз: у нижнего хвоста-то нет. «7<ой>, да это тот, на ком я сидел верхом», — крикнул он. А бесхвостый как услышал, испугался, он думает: «Еще и голову отрежет!». Да бежать. А те твари, что на нем лестницей, кувыркком и разбились, если не насмерть, то все равно, кто как куда сломя голову.

И когда наутро С<ушила> вернулся во дворец, победив тигров, это еще больше укрепило его славу. И теперь, казалось, уже не было надежды освободиться. Поговаривали объявить его святым и держать как мощи, а это означало все равно что живому угодить в могилу.

И вот на его счастье говорят, что обнаружилась новая беда: за городом появилась трехсаженная лисица — ногу ее проследили — огромная пещера.

И опять он вызвался на лису и опять Тушмыл (его в<еликий> визирь) останавливал его, но он и слышать ничего не хочет: раз семь тигров сшиб, что такое ли<си>ца — будь не <1 нрзб.>, а тех-то всех силой.

И хотя шел он на верную смерть, но не без предусмотрительности: в самом деле на тигров даже палки не взял, а на лисицу, — палку, лук, стрелы.

³⁵ Было: рычат, пугают.

Придя к лисьей пещере³⁶, он увидел, что она имеет 3 входа. У одного положил палку, у другого — лук, а у третьего — стрелы. И под кустик зашел, разделся, сложил руки — лисе на съедение. Ночью трехсаженная лиса вышла из пещеры через тот вход, где лежал заряженный лук. Она не понимала, что такое лук, а думала, что это и есть тот нахал, который похвалялся³⁷ справиться с ней, перегрызла тетиву, и освобожденный лук ударил ей в сердце, и лиса только лапы вверх и померла со стрелой в сердце.

А на рассвете пробудился Суш<ила>, ощупал — жив и так ему стало приятно, повернулся на бок и только прилачился всхрапнуть, глядь, под ним — лиса. Да только совсем не трехсаженная, а как есть люба, только мордочка лисья. Очень она ему понравилась — да и она смотрит: есть не собирается.

— Ты нас освободил от лисы, — сказала она. И она ему рассказала, что из их деревни лиса по 100 человек за ночь ела, и съела всех ее братьев, а она пришла посмотреть — очередь была за ней.

Такой лисы С<ушила>³⁸ как не видел. И все кончилось к общему согласию.

Только к полудню Суш<ила> очнулся и, не дожидаясь тушмыла со свитой, пошел победитель лисы с лиской, объявил ее своей хатун.

И после этого приключения бросил всякую мысль искать себе смерти. А зажил с хатун и правил страной. Впрочем, правил-то не он, а лисица — хатун, все это хорошо понимали, только виду не показывали, да и незачем было: не все ли равно дурак ли хан или лисица-хатун.

Лишь были бы власть, суд и расправа.

<IV>

Гнев

В одном монастыре недалеко от Пекина жил лама Соном. Своими трудами достиг он высокого духовного сана, побывал в Лхасе и вернулся не простым обыкновенным ламой, а с именем Лхарамбо.

И жил Лхарамбо в монастыре тихо и мирно и был у него друг Гегэн, которому³⁹ Лхарамбо поверял все свои тайны из тайных видений. Этот Гегэн отличался большой святостью и беззаветной любовью к своему высшему другу.

³⁶ Было: к пещере.

³⁷ Было: осмелился.

³⁸ Было: С<ушила> не видел.

³⁹ Было: с которым Лхарамбо день и н<очь>.

А пришла болезнь⁴⁰. И 40 дней Соном лежал, стражда, и за все 40 дней друг его Гегэн ни разу не пришел навестить его.

Очень это огорчило Лхарамбо и поднялась в его сердце лютая ненависть к своему беззаветно любимому другу. И он решил отомстить ему за вероломство.

Он велел лама взять арцу и обкурить себя арцой и живым закопать в землю лицом вниз.

Ламы исполнили приказание Лхарамбо.

Узнал об этом, конечно, Гегэн и сейчас же поспешил к могиле, велел разрыть. Но было уже поздно⁴¹.

В могиле⁴² не оказалось Лхарамбо, куда Соном — неизвестно, а выскочил из ямы черный безобразный чуткур. Он прыгнул на горы, окружавшие монастырь, и, стоя одной ногой на одном хребте, а другой ногой — на другом хребте, захохотал.

Хохот этот был ужасен: кто его слышал, умирал. Не помогли даже молитвы святого Гегэна. И однажды Гегэн, поднявшись к горам, попал под этот хохот и, как другие, не перенес ужаса и помер.

Монастырь запустел. Боялись на версты приближаться к нему. Новых⁴³ монахов не было, а старые, скрываясь за стенами, вымирали.

О монастыре, о хохочущих горах, далеко разнеслась молва. И вот явился смельчак по имени Бу-Ван. Не доезжая до опасной местности, он остановился, построил себе дом и 3 месяца, не выходя, стоял на молитве, читая святые книги. И когда кончил молитвы, заклинаниями вызвал к себе чуткура.

Чуткур не сразу⁴⁴, а пришел к нему, но ничего не было в нем ни безобразного, ни хохочущего.

Бу-Ван стал укорять его и совестить: зачем он своим хохотом наслал столько смертей и что этими⁴⁵ напрасными убийствами он взял — и разве горе, посылаемое им, повернет к лучшему человеческую жизнь или даст ему счастье — утишит его гнев? И убедил чуткура прекратить свою⁴⁶ забаву.

Чуткур послушался и сделался Чойнджончи или Сахюсом — просвещенным.

И покорно пошел за Бу-Ваном.

⁴⁰ Было: А пришел срок.

⁴¹ Было: Но было уже поздно: Лхарамбо помер.

⁴² Было: В могиле больше.

⁴³ Было: И новых.

⁴⁴ Было: Чуткур явился не сразу.

⁴⁵ Было: что от этих.

⁴⁶ Было: его.

А Бу-Ван возвратился к себе в Монголию и объявил просвещенного чуткура спасителем.

На горах, где хохотал когда-то чуткур, все затихло, монахи вышли из своего невольного скита, и опять народ пошел в монастырь, и восстановилась по-прежнему тихая жизнь.

А на родине Бу-Вана для спасителя, — никому в голову не приходило, что это чуткур, — построили монастырь Цаган-Даянчи. Чуткур принял имя Сонухон-Сахюс. И повалил к нему народ со всей Монголии.

И кто верит в него, он помогает: больных излечивает, слепых делает зрячими, бедные богатеют. И нет человека, которому он не мог бы помочь.

Но горе тому, кто ему не поверит: Сонухон только разинет рот и тот, кто слышит звуки его хохота⁴⁷, не вынеся, умирает.

А говорит Сонухон только ночью, и тогда его видеть нельзя. Днем же он молчит, но видеть его можно.

И несмотря на всю свою святость, сохранил он вид чуткура — рога в ½ аршина и огромные клыки дикого кабана.

Верующий может его видеть.

А Бу-Ван уехал в Россию.

<V>

Табак

В одном монастыре был один бык, ламы пользовались для всех работ, и одна коза, молоком ламы белили свой чай.

Настало время и померла коза⁴⁸. Все монахи молились за нее. И молитвы были услышаны и Б<ог> дал козе хорошее воплощение. Умер, наконец, и бык. Но о нем никто не молился. Это рассердило быка, и он упросил Б<ог>а наслатъ на земной⁴⁹ скот падёж. Бог исполнил, но душе быка от этого было мало.

Возродилась душа быка в монахе. Лама поселился в том же монастыре, где его так жестоко обидели и ежедневно мстил своим товарищам за их несправедливость: каждое утро находили кого-нибудь из лам задушенным или зарезанным.

Настало время, и жестокий лама помер. Ламы вздохнули с облегчением. Но не кончились их мучения: жажда мести у души быка еще не была утолена.

⁴⁷ Было: только разинет рот и.

⁴⁸ Было: Померла коза.

⁴⁹ Было: Наслатъ на землю.

В следующем своем воплощении бык был большим военным начальником и до смерти преследовал лам и уничтожал. Много жестокости он совершил и когда умер, злоба его была насыщена.

Но ламы с его смертью не успокоились, а со страхом ждали, во что он еще возродится, т<ак> к<ак> не смели надеяться, что месть его кончилась.

В одной богатой семье родилась девочка — воплощение души быка. Ей было 14 лет, — стало ясно, она отмечена печатью Бога. Красота (чары) ее были необычайны, — все влюблялись в нее. И доброта ее была особенна. Она никем не гнушалась и принимала всех — богатых и бедных, красивые и калек, сильных и слабых.

Для каждого находила ласковое слово, нежный взгляд, очаровательную улыбку.

Старые и молодые, свирепые воины, жадные купцы, знаменитые мастера и рабочие, — все приходили, чтобы только взглянуть на нее и отдать ей все, что пожелает, но она ничего не принимала, ей довольно было, что она могла дать людям блаженство, счастье и любовь.

В 17 лет ушла из дому, ч<то>б<ы> ходить по всей стране и дать возможность большему <количеству>⁵⁰ людей счастье видеть ее. За ней следовали 1000 людей.

В 18 лет померла.

— Скоро меня не станет. Не плачьте и не страдайте, вечно оставаться все равно не могла бы. Хочу оставить память о себе. Когда умру, заройте в могилу и стерегите 9 дней. Потом разройте и вместо меня если найдете нечто, то в тяжелые минуты жизни будет вам давать, если не полное, но временное забвение.

Помолилась за всех и тихо отошла в вечность, ч<то>б<ы> больше не перерождаться в этом мире горя и страданий.

На 9-й день разрыли могилу и нашли порошок. Понюхали — и стало весело на душе — нюхательный табак. И еще какие-то листья — это был табак. Покурили — и на душе стало так тихо и спокойно, как будто вместе с дымом уходили все волнения, вся горечь жизни.

Попробовали закурить густую замазку, к<отора>я оказалась в могиле. И все перестало для них существовать. Каждому казалось, что он остался один на свете с дорогой красавицей, что она любит его и жарко целует без конца. Это был опиум.

Развлечение, утешение и мечты о страсти и любви.

⁵⁰ Пропуск слова. Восстановлено по тексту книги-источника: [1, с. 43].

<VI>

О саксауле

В Гоби росли все породы деревьев и на всех хватало земли и воды. Однажды они заспорили, кому принадлежит земля, на ко-
ро>й они стоят. Спор перешел в драку, и победил саксаул.

Он выгнал из Гоби все деревья, и они удалились в горы.

Он один остался в ровной степи.

Всякое дерево, горя, трещит — злится. Один саксаул горит тихо и без треска: знает свою силу и потому спокоен.

В костер одно полено саксаула положить, и будет гореть без треска.

В его присутствии деревья боятся возвышать свой голос.

Литература

1. Беннигсен А.П. Несколько данных о современной Монголии. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 103 с.
2. Грачева А.М. Теория русского лада Алексея Ремизова: Генезис. Практика. Рефлексы. СПб.: Росток, 2023. 495 с.
3. Грякалова Н.Ю. Очарованный словом (О А.М. Ремизове и его книге «Павлиньим пером») // Ремизов А. Павлиньим пером. СПб.: Logos, 1994. С. 5–18.
4. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж: [Б. и.], 1959. 331 с.
5. Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А.П. Беннигсен. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 168 с.
6. Никитин В.П. Кукушкина: (Памяти А.М. Ремизова): Воспоминания / публ. и вступ. ст. Н.Ю. Грякаловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 268–306.
7. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко: в 4 вып. СПб.: Тип. Кулиша, 1862. Вып. 3. [6], 180 с.
8. Ремизов А.М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. Т. 3: Март 1947 – февраль 1950 / отв. ред. А.М. Грачева. 731 с.
9. Ремизов А.М. Павлиньим пером / подг. текста и коммент. Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Logos, 1994. 275 с.
10. Ремизов А.М. Повесть о двух зверях: Ихнелат. Париж: Оплешник, 1950. 62 с.
11. Ремизов А.М. Рукописные книги / отв. ред. А.М. Грачева. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 351 с.
12. Ремизов А.М. Собр. соч. / отв. ред. А.М. Грачева. М.: Русская книга, 2000–2003; СПб.: Росток, 2015–2023. Т. 1–10; 11–18 (продолжающееся изд.).
13. Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. Т. 1: А–К. 794, [1] с.
14. Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.

Research article and Publication of Archival Documents

From a Crow's Feather to a Peacock's: On the History of the Creation of the Mongolian Cycle of Legends and Fairy Tales by Aleksey Remizov

© 2024, Alla M. Gracheva

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to the analysis of archival documents from the homemade folder *Crow Feather* (1947) preserved in the archive of A.M. Remizov at the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl (GLM). They record the milestones of the initial stage of the writer's work on source texts from *Legends and Fairy Tales of Central Asia*, the book by traveler A.P. Bennigsen (1912). The materials show the movement of the creative process from extracts of individual words, expressions, and terms to the creation of a full-fledged artistic retelling. The original editions of Remizov's legends and fairy tales are still closely related to their sources. The processing of the original materials consisted of the "translation" of texts from the standard literary language into spoken and of the gradual transformation of folklore records into individually authored works. The next stage was publishing part of the revisions in the mini-cycle *Peacock Feather* (1955). A comparison of the published editions with the original ones presented in the Crow's Feather complex indicates Remizov's further significant transformation of the source texts. In the tales "Chutkur" and "Tiger," the writer destroyed the original genre structure, abandoning the "happy ending" inherent in the folklore tale. In the tale "Tiger," the writer used the literary technique characteristic of the later period of his work to interpret the wonderful adventures of the character as an unfolded dream. Later, the mini-cycle *Peacock Feather* was included by Remizov in a collection that was never published during his lifetime, made up of texts of legends, fairy tales, and parables and called *With Peacock Feather*. The Appendix contains the original texts of Remizov's legends and fairy tales with auto-illustrations.

Keywords: Alexey Remizov, Russian avant-garde, fairy tale, *Crow Feather*, *Peacock Feather*.

Information about the author: Alla M. Gracheva, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4708-098X>

E-mail: irliran@mail.ru

For citation: Gracheva, A.M. "From a Crow's Feather to a Peacock's: On the History of the Creation of the Mongolian Cycle of Legends and Fairy Tales by Aleksey Remizov." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (34), 2024, pp. 32–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-32-59>

References

1. Bennigsen, A.P. *Neskol'ko dannikh o sovremennoi Mongolii* [Some Information About Modern Mongolia]. St. Petersburg, Tipografiia A.S. Suvorina Publ., 1912. 103 p. (In Russ.)
2. Gracheva, A.M. *Teoriia russkogo lada Alekseia Remizova: Genезis. Praktika. Refleksy* [The Theory of the Russian Literary Style by Alexey Remizov: Genesis. Practice. Reflexes]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2023. 495 p. (In Russ.)
3. Griakalova, N.Iu. "Ocharovannyi slovom (O A.M. Remizove i ego knige 'Pavlin'im perom') ["Fascinated by the Word (About A.M. Remizov and His Book 'Peacock Feather')"]. Remizov, A. *Pavlin'im perom* [Peacock Feather]. St. Petersburg, Logos Publ., 1994, pp. 5–18. (In Russ.)
4. Kodrianskaia, N. *Aleksei Remizov* [Alexey Remizov]. Paris, [S. n.], 1959. 331 p. (In Russ.)
5. *Legendy i skazki Tsentral'noi Azii, sobrannye grafom A.P. Bennigsen* [Legends and Fairy Tales of Central Asia Collected by Count A.P. Bennigsen]. St. Petersburg, Tipografiia A.S. Suvorina Publ., 1912. 168 p. (In Russ.)
6. Nikitin, V.P. "Kukushkina: (Pamiati A.M. Remizova): Vospominaniia" ["Kukushkina: (In Memory of A.M. Remizov): Memoirs"], publ. and introd. article by N.Iu. Griakalova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1990 god* [The Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1990]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1993, pp. 268–306. (In Russ.)
7. *Pamiatniki starinnoi russkoi literatury, izdavaemye grafom Grigoriem Kuselevym-Bezborodko: v 4 t.* [Monuments of Ancient Russian Literature, Published by Count Grigory Kuselev-Bezborodko: in 4 vols.], vol. 3. St. Petersburg, Tipografiia Kulisha Publ., 1860. [6], 180 p. (In Russ.)
8. Remizov, A.M. *Dnevnik myslei 1943–1957 gg.* [Diary of Thoughts, 1943–1957], vol. 3: Mart 1947 – fevral' 1950 [March 1947 – February 1950], ed. by A.M. Gracheva. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2017. 731 p. (In Russ.)
9. Remizov, A.M. *Pavlin'im perom* [With Peacock Feather], text prep. and comm. by N.Iu. Griakalova. St. Petersburg, Logos Publ., 1994. 275 p. (In Russ.)
10. Remizov, A.M. *Povest' o dvukh zveriakh: Ikhnelat* [A Tale of Two Beasts: Ikhnelat]. Paris, Opleshnik Publ., 1950. 62 p. (In Russ.)
11. Remizov, A.M. *Rukopisnye knigi* [Handwritten Books], ex. ed. A.M. Gracheva. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008. 351 p. (In Russ.)
12. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 1–10; 11–18, ex. ed. A.M. Gracheva. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015–2023. (In Russ.)
13. *Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii. 1919–2000. Biograficheskii slovar': v 3 t.* [Russians Abroad in France. 1919–2000. Biographical Dictionary: in 3 vols.], vol. 1: A–K [A–K], ed. by L. Mnukhin, M. Avril', and V. Losskaia. Moscow, Nauka Publ., The Memorial House and Museum of Marina Tsvetaeva Publ., 2008–2010. (In Russ.)
14. Serkov, A.I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian Freemasonry. 1731–2000. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 1222 p. (In Russ.)